

ДО ПЯТНАДЦАТЬ ДОСЧИТАЙ

ИСТОРИЯ ВЗРОСЛЕНИЯ. ВЫБОРОВ. И СЕБЯ.

ДИСЦИПЛИНА

ЗНАНИЯ

ЛЮБОВЬ

ОКРУЖЕНИЕ

ЦЕЛИ

ЦЕННОСТЬ ПУТИ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ НЕ ТОЛЬКО РЕЗУЛЬТАТОМ,
НО И ТЕМ, КЕМ ТЫ СТАНОВИШЬСЯ НА ЭТОМ ПУТИ.

Алибек Таиров

До пятнадцать досчитай

«Автор»

2026

Таиров А.

До пятнадцать досчитай / А. Таиров — «Автор», 2026

С юных лет мальчики проявляют интерес к девочкам, реализуя свои притязания в самых разнообразных формах. Попытки привлечь внимание могут быть странными и даже раздражающими, что может показаться проявлением агрессии и глупости. Но, на самом деле, за таким поведением кроется искреннее, хотя и неосознанное, желание понравиться, быть замеченным среди множества прочих соперников. Со временем детские шалости уступают место осознанным поступкам. Юное сердце, прежде довольствовавшееся забавами и мимолётным вниманием, начинает томиться в смутном желании обрести нечто большее. И именно здесь, человек сталкивается с суровой правдой жизни: чувства, оказывается, могут быть не взаимны, откровение может быть встречено колкой насмешкой, а искренность – холодным равнодушием.

© Таиров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ДЕТСТВО	8
1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Алибек Таиров

До пятнадцать досчитай

ВВЕДЕНИЕ

История человечества – это грандиозная панорама бесконечно разных событий, в которых женщина играет отнюдь не последнюю роль. И это не красивая метафора или романтизированная идея, а реальность, пронизывающая целые века и культуры.

Испокон веку женщины вдохновляли мужчин на подвиги, становились причиной ожесточённого соперничества и даже крупных политических потрясений. Их влияние нередко выходило за пределы личных отношений, затрагивая судьбы целых народов, государств и эпох.

Одним из наиболее показательных примеров служит история Анны Болейн — женщины, чьё появление при королевском дворе изменило ход истории английского государства и официальной религии.

Будучи фрейлиной королевы Екатерины Арагонской, Анна Болейн – женщина отнюдь не знатного происхождения, но редкой образованности, ума и внутренней силы – сумела обратить пылкое влечение короля Англии Генриха VIII в настоящую одержимость.

Мужчина, чья душа разрывалась между страстным желанием обладать Анной и непреклонной позицией папского престола, отказавшегося признать недействительным брак с законной супругой Екатериной Арагонской, вступил в прямой конфликт с многовековым религиозным порядком. Ради возлюбленной, подарившей надежду на долгожданного наследника, король Генрих VIII решился на шаг беспрецедентный по своим последствиям: он разорвал отношения с римско-католической церковью, инициировал религиозную реформу и провозгласил себя главой новой, англиканской церкви. Основа государственной власти была переписана: монарх становился не только светским, но и духовным владыкой своего народа.

Безусловно, судьба Анны Болейн, которая стала причиной этого колоссального раскола, оказалась весьма трагичной: сколь быстрым и эффективным было её возвышение, столь жестоким и публичным оказалось падение. Но гибель Анны не перечеркнула значения прожитой ею жизни. История Анны Болейн наглядно показала, что судьбы великих держав могут формироваться не только на полях сражений и в залах парламентов, но и в сфере человеческих чувств – тех самых, которые способны пробуждать женщины.

Будучи совсем юными, мальчики проявляют интерес к девочкам, реализуя свои притязания в самых разнообразных формах, зачастую наивных и неуклюжих. Мы действуем интуитивно, не имея должного опыта и понимания, как правильно выразить свои чувства. Наши попытки привлечь внимание могут быть странными и даже раздражающими: ну, конечно, кому понравится, когда тебя дёргают за волосы, ставят подножки или совершают иные подобные действия? Это может показаться проявлением агрессии и глупости, но, на самом деле, за таким поведением кроется искреннее, хотя и неосознанное, желание понравиться, быть замеченным среди множества прочих соперников.

Детские попытки — лишь начало будущей истории. Первые шаги, пусть и неосознанные, играют важную роль, ведь они являются началом пути, на котором мы учимся взаимодействовать с противоположным полом, понимать их чувства и реакции.

Со временем детские шалости уступают место осознанным поступкам. Юное сердце, прежде довольствовавшееся забавами и мимолётным вниманием, начинает томиться в смутном желании обрести нечто большее. Нас начинает тянуть к отношениям, в которых важны не

только внешние проявления, но и межличностная связь – своего рода переломный этап, разделяющий наивную, солнечную юность от предстоящей зрелости. Здесь, человек сталкивается с суровой правдой жизни: чувства, оказывается, могут быть не взаимны, откровение может быть встречено колкой насмешкой, а искренность – холодным равнодушием.

В эту пору внутри некоторых людей что-то необратимо меняется и даже ломается: хрустальная вера в доброту мира даёт трещину и едва ли не угасает, оставляя после себя горький пепел разочарования. Страх быть отвергнутым, боязнь снова посмотреть в глаза сверстникам, ощутив на себе их оценивающие взгляды и насмешки, подталкивает к закрытию своего внутреннего мира и доброго сердца, добровольно отрекаясь от возможных рисков и новых попыток. В проистекающем из этого самоотречении, в этом звенящем безмолвии, рождается мучительный шепот самобичевания. Внутренний голос, становящийся злым обвинителем, начинает ядовито нашептывать, обвиняя не только себя и близких, но и несправедливость окружающего мира. Он внушает, что корень бед кроется в недостатке ума, обаяния, материального благополучия или внешней привлекательности. Навязчивые мысли, как тени, неотступно следуют по пятам, методично формируя искажённое представление о себе и своих возможностях.

Но вот в чём загвоздка и, пожалуй, великая, парадоксальная мудрость жизни: ошибки и неудачи – это не враги – это суровые и верные спутники, сопровождающие нас на всём жизненном пути. Каждый промах, каждая боль от падения – это не конец, а скрытый урок; не глухой тупик, указывающей обратную дорогу, а неожиданный поворот, уводящий к чему-то более глубокому и осмысленному.

Оглядываясь назад, сквозь призму прожитых лет, каждый взрослый человек невольно подтвердит: без той самой, когда-то казавшейся роковой неудачи, без того обжигающего, ранившего душу «нет», не произошло бы внутреннего роста. Ведь, как ни странно, боль часто становится лучшим учителем. Она решительно вычищает в нас лишнее – гордыню, самоуверенность, слепую веру в лёгкие победы – и учит видеть не только блеск, но и суть вещей, различать подлинное в оглушительном шуме показного. Она прививает нам терпение, учит ценить тишину, превращает обиды в понимание, а горечь поражений в бесценный опыт. И, возможно, именно в этом её истинный смысл – не в том, чтобы сломать, а в том, чтобы пробудить решимость меняться к лучшему.

Борьба за внимание и симпатию девушки – это своего рода война, которую рано или поздно проходит каждый мужчина; война между страхом и смелостью, неуверенностью и верой в себя, между лёгким выбором оставить всё как есть и решимостью продолжать двигаться вперёд. Каждый шаг на этом пути – это преодоление внутренних барьеров, страхов и слабостей. И те, кто выигрывает эту войну, становятся успешными не только в отношениях, но и более сильными, уверенными в себе людьми. В конце концов, история мужчины, который отыскал путь к сердцу женщины, – это история победителя; история преодоления себя, своих страхов, сомнений и неуверенности.

Книга «До пятнадцать досчитай» – это не сборник советов или пошаговых инструкций о том, как правильно выстраивать отношения с прекрасной половиной. Нет, ибо я не верю в магическую силу шаблонных установок и готовых рецептов. Подобного рода менторские трактаты, претендующие на абсолютное знание, способны создать лишь мираж, бледную тень понимания. Они строят хрупкие карточные домики из иллюзий, где всё предсказуемо и логично. Но стоит дуновению настоящей жизни коснуться этой бутафорской крепости, как она рухнет, не оставив после себя ничего, кроме горького осадка разочарования.

Человеческое сердце – это не часовой механизм, который можно разобрать на составные части, починить и заново собрать. Любовь – не математическое уравнение, где, подставив верные переменные, можно получить нужный ответ. И также в отношениях не бывает линейных маршрутов. Здесь нет шоссе, ведущего из пункта «А» в пункт «Б». Здесь царит совсем иной порядок: буйство чувств, где за минутой тихой нежности может внезапно вспыхнуть ярость,

застилающая разум; вихрь случайностей, способных в одно мгновение перевернуть всё с ног на голову; трепетная непредсказуемость, в которой совместные мгновения пишутся наспех, без черновика и готового сценария.

Книга «До пятнадцать досчитай» – это рассказ о моей жизни, о моих переживаниях, открытиях и разочарованиях. Я расскажу не только о своих победах и достижениях, но и о поражениях, ведь именно они помогли высечь ценные искры истины, что легли в основу этих страниц.

Я не питаю иллюзий насчёт своей исключительности – ни в жизни, ни в том, что мне довелось пережить, но при том мне видится, что отдельные ситуации и выводы могут откликнуться в сердцах тех, кто, как и я когда-то, стоит на перекрёстке сомнений и надежд, ищет ответы на неоднозначные вопросы, учится преодолевать свой страх и пытается найти в себе силы, чтобы продолжать двигаться вперёд.

Я не беру на себя роль наставника и не собираюсь кого-то поучать. Смысл моего рассказа в другом – показать, что люди не одиноки в своих поисках, что каждый из нас сталкивается со схожими проблемами, трудностями и сомнениями, и что каждый может научиться их преодолевать.

Должен заметить, что моя жизнь – это не череда случайных увлечений и мимолётных романов, хотя, впрочем, был и такой период, о чём я расскажу также подробно, как и о другом. Моя жизнь – это приключение, насыщенное яркими взлётами и болезненными падениями, минутами чистого триумфа и горького прозрения; это путешествие, в котором я научился не только понимать самого себя, но и разбираться в других людях, в их чувствах и мотивах.

Возможно, кто-то сочтёт мой опыт субъективным, скажет, что у каждого своя правда и взгляды на жизнь. И это будет вполне обоснованно, ведь все мы разные, а наши сердца бьются – каждый в уникальном ритме. Но, несмотря на это, меня всё же не покидает тихая, почти упрямая уверенность в том, что среди читателей найдутся и те, кто разглядит что-то близкое и важное для себя. И если это действительно произойдёт... если моя история послужит хотя бы одному человеку опорой или подсказкой, поможет расставить нужные приоритеты или уберёжет от лишней боли – этого будет вполне достаточно.

В заключении, должен отметить, что в целях конфиденциальности – и моей и множества людей – имена персонажей изменены случайным образом, а я буду упоминаться в данной книге под именем Ильяс.

ГЛАВА 1. ДЕТСТВО

1

Я родился в городе Нарын – маленьком, уютном городке, затерянном в суровых горных хребтах Кыргызстана.

Здесь, среди возвышенных исполинов, укутанных вечными снегами, и чистых, звонких рек, торопливо несущих свои воды через просторные долины, произошли мои первые открытия — не глобальные, не меняющие мир, но весьма важные и значимые для маленького мальчика, который только начал вставать на путь познания окружающего мира.

На тот момент город Нарын был для меня всем миром – целой вселенной, за пределами которой не существовало ничего другого. Каждый закоулок, каждый двор, каждая пыльная тропинка, взбирающаяся на пригорок, были не просто деталями городского ландшафта, но непременно важными органами единого цельного организма. Вместе, они складывались в мою внутреннюю картину мира, сложенную в памяти с той же ясностью, с какой судьба отпечатана на линиях ладони.

Я знал о своём городе всё, что было для меня важным: где растёт самое высокое дерево, под густой кроной которого можно было укрыться от палящего летнего зноя, лёжа в тени и глядя сквозь листья на выцветшее от жары небо, где находится самый уютный двор — тот самый, в котором время теряло свой счёт, а мы могли играть до самой темноты, не задумываясь ни о завтрашнем дне, ни о том, что однажды это блаженное чувство исчезнет, уступая место грядущей мирской жизни, и, конечно, где можно было аккуратно пробраться к реке Нарын — великой, молчаливой, с водой цвета глубокого и таинственного – изумрудно-бирюзового. Мы пускали на её спокойные воды самодельные деревянные и бумажные кораблики, а затем подолгу смотрели, как они, слегка покачиваясь, уносятся в далёкое плавание.

Именно в этой горной колыбели, под присмотром заснеженных титанов, я получил нетленные сокровища, из которых сплетается подлинное детское счастье: тепло семейных отношений, радость дружбы, уют родного дома и, конечно, самое главное – безграничные просторы для фантазии, где несколько камней и булыжников, сложенных в круг, могли стать крепостью, обороняемой до последнего вздоха, а забытая тропа за оврагом – началом Великого Шёлкового пути, полного неожиданных чудес и опасностей.

Школа, в которой я учился, официально считалась русскоязычной, но, как бы странно это не звучало, реальность была совершенно иной – несмотря на громкое название, все предметы, включая уроки русского языка и литературы, проводились на кыргызском языке. Удивительный парадокс: мы вроде бы изучали русский язык, но объяснения учителей, обсуждения и даже домашние задания нам задавали на родном кыргызском языке. Такой подход, с одной стороны, помогал лучше понять материал – нам всё казалось понятнее, ближе и доступнее, и мы могли глубже вникать в суть вопросов, не отвлекаясь на языковой барьер – но с другой стороны такой подход оставлял пробелы в практическом применении. Русский язык, который должен был стать не менее важным, чем кыргызский, на самом деле оставался чем-то далёким и абстрактным.

Когда я закончил третий класс, наша семья столкнулась с большими переменами. Моего отца ротировали в столицу, и нам пришлось покинуть родной город, чтобы начать новую жизнь в Бишкеке.

Переезд стал для меня рубежом, разделившим детство на "до" и "после". Всё, что было мне знакомо и дорого, осталось позади: во дворах, где мы с друзьями могли играть до наступления темноты, в узких проулках, хранивших следы ежедневных маршрутов, в неспешном ритме города, к которому я привык с самого рождения. Впереди же ждал большой, шумный город, полный незнакомых лиц, новых правил и совершенно иного уклада жизни.

Я поступил в русскоязычную школу, и, надо заметить, она была полной противоположностью той, к которой я привык в Нарыне. Здесь все предметы, начиная от урока русского языка и закачивая физической культурой, проводились исключительно на русском языке. Единственным исключением был урок кыргызского языка, который, как ни старалась учительница, проводился на кыргызском языке лишь наполовину.

Моя жизнь переменялась большим испытанием. Я оказался в мире, где абсолютно всё – от шуток на переменах до объяснений учителей – происходило на языке, которым я не владел в необходимой мере. Мои одноклассники легко общались между собой, шутили, спорили, играли, они с лёгкостью находили общий язык и, казалось, не испытывали каких-либо трудностей в учёбе. Я же чувствовал себя чужим, будто попавшим в другую реальность. Мне тяжело было объяснить свою позицию, подбирать нужные слова и выражения, а когда я всё же находил, что сказать, то слова выходили наружу с диким, варварским акцентом, который выдавал мою чужеродность и неуверенность. Я очень стыдился этого, старался отвечать коротко, односложно, лишь бы не привлекать к себе лишнего внимания.

Помимо этого, проблема моей социализации заключалась не только в языке общения, но и, пожалуй, в самом главном – в укладе жизни и быта. Город Нарын жил в уникальном размеренном ритме: люди там крепко пожимали руки, здоровались по имени, знали каждый друг друга в лицо, и каждый день там двигался неторопливо, как река в тихую погоду. Бишкек же жил совсем иначе: громко, стремительно, не оглядываясь. Здесь постоянно все куда-то спешили, на ходу переговаривались между собой и также быстро расходились по своим делам. Улицы были заметно шире, дома выше, витрины ярче, и всё это вместе чудовищно давило на меня. В Нарыне я был своим среди своих. В Бишкеке же я был чужим среди чужих.

У моих одноклассников были какие-то свои негласные правила, шутки, точки соприкосновения – всё это было легко понятно им, но абсолютно наглухо закрыто для меня. Я не понимал, почему одно слово может вызвать смех, а другое — обиду, почему одни вещи считались вполне себе естественными, а другие — странными. Я был свидетелем, когда один из школьных мальчишек как бы невзначай между делом сказал всего лишь пару слов, и все вокруг (а нас было немало) словно по какому-то негласному уговору громко и дружно, от души засмеялись. Честно сказать, я тогда не понял ни сути сказанного, ни юмора, но тоже смеялся, вынужденно делая вид, будто понял о чём идёт речь. Внутри же пылало горящее чувство стыда... и неистового страха от того, что кто-то вдруг обернётся и спросит: «А ты чего смеешься? Ты хоть понял о чём речь?». Это было унижительно — смеяться со всеми, но даже не знать над чем.

У всех моих одноклассников были свои герои, свои истории, уходящие корнями в жизнь, о которой я не ведал. Они ссылались на что-то общее, случившееся когда-то давно или наоборот буквально недавно — на какой-то двор, какой-то значимый случай — и эти общие моменты крепко связывали их друг с другом, каждый раз оставляя меня за невидимой чертой.

Я пробовал подражать, перенимать слова, интонации, повторять услышанные фразы, но всякий раз что-то выходило не так, и я снова оказывался чужим, только теперь ещё и нелепым чужаком. Я чувствовал себя человеком, которому дали книгу без начала: все вокруг знали, о чём она, где и когда началась, а я листал страницы, не понимая, почему герои оказались именно здесь и вообще, чем занимаются. И самым горьким было то, что никто не считал нужным объяснить — все жили своей жизнью, не обращая на меня никакого внимания.

Мои попытки влиться в новый коллектив в большинстве случаев заканчивались неудачами, которые постепенно перерастали в открытые конфликты. Я видел, что меня не принимают в общий круг, что я здесь лишний – чужак, не вписывающийся в устоявшийся и самодовольный мир местных постояльцев.

Насмешки, колкие замечания, недоверчивые взгляды – всё это ранило сильнее, чем я мог признаться самому себе. Я носил эту боль внутри, стараясь не выпускать наружу, но с каждым днём она накапливалась, превращаясь в глухое, сдержанное напряжение. Мне было

очень тяжело, и не столько от внешних факторов, сколько от понимания, что словами ничего не изменишь: любые попытки объясниться или оправдаться лишь усиливали ощущение собственной уязвимости.

Мне тяжело было это терпеть, и в какой-то момент сопротивление стало единственно возможной формой существования. Мне приходилось драться — не потому, что я искал этого или получал удовольствие, а потому, что другого выхода просто не оставалось. Драка становилась языком, на котором со мной были готовы говорить. Это был единственный способ защитить себя, отстоять своё достоинство и дать понять, что я не позволю обращаться с собой как с объектом для унижений. Я стискивал зубы, сжимал кулаки и бросался в бой даже тогда, когда понимал, что шансов на победу нет. Победа в привычном смысле этого слова была для меня не главным. Куда важнее было показать — и себе, и другим — что я готов постоять за себя, что во мне есть предел, за который нельзя переступать безнаказанно.

Каждая ссора, каждый конфликт, каждое недопонимание... все эти разом навалившиеся проблемы оказали на меня очень негативное воздействие. Я постоянно находился под внутренним давлением, не имея возможности перевести дыхание. Во мне постепенно накапливались обида, горечь, злость — на себя, на других, на весь мир, который казался враждебным и равнодушным к моему существованию. Эти чувства не имели возможности выйти наружу, и потому оседали где-то глубоко внутри, делая меня замкнутым, настороженным и постоянно готовым к обороне.

Но я не сдавался. Где-то в глубине своей души, сквозь боль и усталость, во мне жило упрямое понимание: я должен приспособиться... я должен научиться быть как все. Не убежать, не закрыться, а научиться жить в этом новом, непривычном пространстве. Это не было осознанным решением, скорее — инстинктом выживания, тихим, но настойчивым голосом, не позволяющим сломаться окончательно.

В шестом классе, в мою жизнь ворвалось чувство, перевернувшее с ног на голову мой внутренний мир. Оно пришло неожиданно, без предупреждения, как резкий порыв ветра, сметающий всё на своём пути и оставляющий после себя лёгкое головокружение, странное, щемящее чувство в груди. В нашем классе появилась новая ученица — Айсулуу.

Когда Айсулуу вошла в класс, время утратило свой привычный ход, и на короткий миг даже остановилось. Перешептывания одноклассников, скрип парт, голос учителя, представлявшего новую ученицу, отошли куда-то на задний план, оставив передо мной лишь новый образ...

Милое, чуть растерянное лицо. Негромкий, сдержанный голос. Улыбка, в которой было что-то одновременно смущённое и светлое. Даже самые обыкновенные движения казались мне какими-то особенными, словно эта девочка пришла из другого мира — более яркого и прекрасного, чем наш. Я не мог отвести от неё взгляда. Вероятно, со стороны это выглядело нелепо, но впервые за долгое время мне было абсолютно всё равно, как я выгляжу и что обо мне подумают другие. Внутри меня что-то переменялось: я влюбился, без оговорок и сомнений, с первого взгляда.

К несчастью, я оказался не единственным, кто обратил внимание на Айсулуу. Она быстро стала центром всеобщего внимания. Девочки тянулись к ней, стремясь подружиться, мальчики — завоевать расположение, каждый по-своему, неуклюже и старательно.

Очень скоро вокруг Айсулуу сложился целый круг восхищённых взглядов, в который входили не только ребята из нашего и параллельных классов, но и ученики постарше. Для меня это было одновременно и тихим счастьем, и мучительным испытанием. С одной стороны, меня согревала мысль о том, что, несмотря на все различия между мной и другими мальчиками, мы всё же были схожи в вопросе красоты нашей новой одноклассницы. С другой стороны, во мне поднималась глухая, беспросветная грусть. Я прекрасно понимал, что шансов у меня нет.

Среди рослых, громких и уверенных в себе ребят я был лишь тенью — незаметной и легко отодвигаемой в сторону. Мои чувства были обречены остаться безответными, и от того они становились ещё более острыми, ещё более личными — как нечто такое, что принадлежит тебе только потому, что не может принадлежать кому-то другому.

Разумеется, я не терял надежду окончательно. Где-то на дне моей романтической души теплилось робкое, сладостное представление о том, что при каком-то удачном, счастливом стечении обстоятельств мы с Айсулуу всё же сможем подружиться, что жизнь сама, без моего вмешательства, тихо подтолкнёт нас друг к другу, и всё случится легко и естественно, точно так и должно было быть.

Но, к сожалению, этот сценарий был возможен лишь только в моём воображении. В мечтах. В теории всё выглядело до смешного простым: подойти, произнести парочку самых обычных, ничем не примечательных слов, быть может фраз, улыбнуться, затеять обыкновенный, абсолютно незатейливый разговор — наподобие тех, что можно завести с каким-нибудь другим человеком, не задумываясь заранее о каждом слове. Однако, каждый раз, когда я решался сделать этот первый шаг, внутри меня всё сжималось — резко, как от совершенно неожиданного удара. Слова рассыпались прежде, чем успевали сложиться во что-то связное. И я снова застывал на месте — неподвижный, немой, с целым миром внутри и ни единым словом снаружи.

Когда судьба давала мне шанс — случайная встреча на перемене, соседство у доски, мимолётная близость в коридоре — моя смелость куда-то исчезала, сердце учащённо колотилось, мысли разбегались, голова пустела, и вместо слов, которые мне так хотелось сказать, оставалась лишь хлипкая, тревожная закомплексованность. Я боялся показаться глупым, неуместным, боялся, что она не поймёт меня или, что в ответственный момент мой голос дрогнет. Но больше всего я страшился, что она посмотрит на меня с усмешкой — той самой, от которой хочется провалиться сквозь землю и исчезнуть, словно тебя никогда и не было.

Иногда, когда очередной школьный день клонился к завершению, а я в очередной раз так и не нашёл в себе сил завязать с Айсулуу какой-нибудь элементарный разговор, снова отвёл взгляд в сторону или сделал вид, будто занят чем-то важным, — я заклинал себя забыть о ней. Я твердил себе, что это глупо, что моим мечтаниям не суждено претвориться в жизнь, что лучше вырвать это чувство сейчас, пока оно не проросло слишком глубоко и не стало частью меня. И я искренне убеждал себя в этом... я верил, что способен заглушить чувства, которые уже давно жили во мне помимо моей воли.

Безусловно, этим жалким попыткам не суждено было сбыться, ведь стоило мне очередным утром войти в класс и увидеть Айсулуу за школьной партой, как все чувства, которые я пытался погасить ночью, вспыхивали снова с прежней, а то и пушей силой.

Так я и жил — между сокровенным желанием стать ближе к той, которую любил, и малодушным желанием её забыть. День за днём я не мог выбрать ни то, ни другое, и оставался там, где обычно — в тени, на расстоянии, с молчанием вместо слов и надеждой вместо действий.

Я вынужден был прятаться, держась на безопасном расстоянии, с которого мог украдкой, незаметно наблюдать. Я ловил каждое слово, которое произносила Айсулуу, запоминал её интонации, движения, паузы между словами. Я знал, что может её обрадовать, а что напротив — в одно мгновение испортить настроение, о чём она может говорить с воодушевлением, о чём наоборот — с равнодушием и безразличием. Например, я знал, что Айсулуу очень любит запах мяты, а её любимый цвет — бирюзовый, и что она мечтает однажды побывать в Париже, увидеть этот город не с открыток, а своими глазами. Я знал, как меняется её смех, когда ей по-настоящему весело и хорошо, и как едва заметно хмурятся её брови, когда что-то идёт не так. Я знал её лучше, чем она могла себе представить. И хотя я понимал, что всё это вряд ли когда-нибудь пригодится, я не мог перестать наблюдать за ней.

Смирившись с тем, что я не могу выразить свои чувства напрямую, я начал действовать иначе — скрытно, почти тайно, как будто даже от самого себя. Я писал Айсулуу корот-

кие записки, в которых осторожно, без подписи, делал разного рода и на разные темы комплименты. На День всех влюблённых я подкладывал безымянные валентинки на её стол — так, чтобы никто не увидел и не догадался, чья это рука. Я старался ухаживать за ней незаметно, не требуя от себя открытого шага и не рискуя быть разоблачённым. В этих крошечных, ни к чему не обязывающих знаках внимания было что-то утешительное: они позволяли мне чувствовать свою причастность к её жизни, не разрушая того хрупкого равновесия, в котором я научился жить.

Школьные годы шли своим чередом, сезоны сменяли друг друга, будни перетекали из одного в другой, классы менялись, лица взрослели, а мои попытки привлечь внимание Айсулуу по-прежнему оставались безуспешными. Что бы я ни делал, как бы ни старался — она просто-напросто меня не замечала. А порой, что было гораздо большее и унижительнее, замечала лишь для того, чтобы тут же отвернуться, как отворачиваются от чего-то незначительного, случайно попавшего в поле зрения. И это мимолётное, равнодушное «заметила и забыла» ранило куда глубже, чем полная невидимость.

Моё терпение иссякало, а вместе с ним и надежда на то, что когда-нибудь Айсулуу разглядит во мне нечто большее, чем малознакомого одноклассника, случайно оказавшегося рядом. И тогда, как это часто бывает в юном возрасте, я начал менять тактику на агрессивную. Зимой, например, я с неожиданной для самого себя радостью участвовал в том, чтобы намылить Айсулуу снегом, — старательно, с азартом — стараясь как можно больше затолкать за шиворот белой рубашки. Я назойливо пытался заговорить с ней, даже когда она ясно давала понять, что не желает этого. И вот что было удивительно в этой ситуации: раньше, когда я мечтал о самом простом, непримечательном разговоре с Айсулуу, часами напролёт придумывал возможные начала предстоящей беседы, темы для разговора, перебирал в уме слова, выстраивал их в идеальные фразы, оттачивал формулировки, примерял интонации, и в итоге не мог решиться на их реализацию. Но стоило мне сменить тихую надежду на дурачество, как смелость объявилась тут как тут, появились десятки поводов подойти, сотни способов задеть, бесконечные вариации того что, можно сказать. Иногда я дразнил Айсулуу обидными словами. Я не понимал тогда, что делаю ей больно, а быть может и понимал, но не хотел задумываться об этом всерьёз. Я руководствовался логикой, что любая эмоция — раздражение, злость, обида — лучше холодной пустоты и равнодушия, которых я навиделся вдоволь. Пусть она злится. Пусть замечает. Лишь бы только не смотрела на меня, как на пустое место.

И вот однажды я добился своего — отношение Айсулуу изменилось ко мне. Сначала это были едва уловимые перемены — короткие неприязненные взгляды, лёгкая напряжённость в голосе, едва заметное раздражение, которое можно было принять за случайность или плохое настроение. Но со временем и под моим чутким, назойливым упорством её взгляды становились всё более холодными, ответы — резкими, хлёткими. Она явно была раздражена моими глупыми выходками, а я, как заведённый, не мог остановиться. Я придерживался мнения, что если она злится на меня, то я хоть как-то существую в её мире, а значит это было лучше, чем не существовать вовсе. И этот самообман давал мне иллюзию смысла, позволял продолжать, даже когда внутренний голос подсказывал, что я хватил через край.

Так продолжалось до восьмого класса. Ближе ко второй половине учебного года я начал уставать — от собственного невежества, от бесконечных сомнений, от внутреннего разлада, который разрывал меня изнутри. То, что раньше казалось временным состоянием, стало невыносимо затянувшимся.

Во мне зрело ясное, тяжёлое понимание: дальше так продолжаться не может. Я больше не мог молчать и прятаться за нелепыми поступками, за агрессией, за неловкими попытками привлечь внимание Айсулуу. Всё неизбежно шло к тому, чтобы сделать то, чего я избегал все эти годы, — открыто и честно признаться в своих чувствах.

Повод для этого появился сам собой, словно сама судьба подталкивала меня к решающему шагу. Это случилось в преддверии очередного Дня всех влюблённых. Я заранее отправился в магазин, твёрдо решив выбрать самую лучшую валентинку. Она должна была быть идеальной – не слишком яркой, чтобы выглядеть навязчивой, но и не слишком простой, чтобы не обесценить всю глубину моих чувств.

Я долго перебирал открытки, рассматривал их, взвешивал, откладывал, снова возвращался, сравнивал, прокручивал в руках, словно от этого выбора зависела вся моя жизнь. В итоге я нашёл то, что искал. Это была дорогая, изящная открытка с тонкими узорами и аккуратными блёстками, которые мягко переливались на свету. В ней было что-то спокойное и одновременно торжественное. В тот момент мне казалось, что эта валентинка специально создана для Айсулуу — как единственно возможная форма признания, способная передать то, что я так долго носил в себе и не решался произнести вслух.

У меня был очень некрасивый почерк, и я понимал, что он мог испортить всё впечатление. Рисковать я не мог, а потому обратился за помощью к своему единственному, хорошему другу Данияру. Я рассказал ему о своём плане и попросил помочь.

Выслушав меня, он, конечно, сначала принялся подшучивать и издеваться, — по-дружески, без злобы – но, насмеявшись вдоволь, всё же согласился. Мы сели за стол, и я протянул ему листок с заранее подготовленным текстом.

Пока он медленно и старательно переписывал слова, тщательно выводя каждую букву, я молча наблюдал, как на бумаге появляются фразы и предложения, которые, возможно, изменят всю мою жизнь.

Когда валентинка была готова, я не мог налюбоваться ею. Она выглядела именно так, как я себе представлял: красивые, выверенные слова, аккуратный, ровный почерк, изящные узоры, мягко обрамляющие текст. Всё было на своих местах, всё соответствовало моему замыслу. Половина пути была пройдена. Теперь оставалось самое сложное — передать слова признания моей возлюбленной.

Разумеется, я не смог сделать этого сам, и Данияр прекрасно это понимал. Глядя на моё окаменевшее лицо, он аккуратно вынул любовное послание из моих застывших рук и сказал:

- Да не переживай ты так. От такой красивой валентинки Айсулуу точно будет твоей.

В этот момент весь оглушительный шум, какой обычно бывает в школьных коридорах во времена перемены, вдруг превратился в тихий, вязкий гул. Казалось, мир расплылся, а люди вокруг превратились в подневольные тени. Мысли остановились, в ушах гудело, в груди бушевало неистовое, дикое сердцебиение, которое отдавалось в висках, словно кто-то выстукивал тревожный марш. Я не думал, не анализировал, не строил догадок. Я просто стоял, ожидая в коридоре, точно преступник на скамье подсудимых, ожидающий окончательного решения по своей судьбе.

Когда мой друг подошёл к Айсулуу, он перемолвился с ней парочкой слов и протянул валентинку. Она на миг замерла, удивлённо подняв глаза и, медленно, почти настороженно, взяла послание — так, будто не верила, что оно действительно адресовано ей. Аккуратно раскрыв открытку, она бегло пробежала по тексту, после чего вернулась к началу и прочитала текст снова — уже медленно и вдумчиво. Когда же её взгляд скользнул в самый низ, туда, где было написано моё имя, её брови заметно приподнялись. На лице отразилась целая гамма эмоций: от неподдельного удивления до растерянности. Было ясно, что она пытается сопоставить привычный образ меня с тем человеком, который решил написать ей такие слова.

Данияр, этот непредсказуемый провокатор, разумеется, не смог удержаться. Он слегка наклонился и спросил, что она думает обо мне и о подаренной валентинке.

Айсулуу прикусила губу, на мгновение задумалась, словно примеряя возможные ответы на вкус, подняла глаза и ответила... без эмоций, без злости:

- Маленький козлёночек с большими ушами, - затем протянув валентинку обратно, добавила: - Верни ему открытку. Я не приму от него подарков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.